

Алексей Михайлович.

ГЛАВА I.

Алексей Михайлович — получил имя Тишайшего царя. У него было четырнадцать человек детей, — так начинал, поблескивал очками, с серьезным лицом, свои лекции об этом царю В. О. Ключевский.

Если бы старая истина о том, что сущность самодержавия вовсе не зависит от той или иной личности царя, еще требовала доказательства, — одним из наиболее ярких подтверждений этого явилось бы царствование Алексея Михайловича. Этот царь, сам-по-себе, был по сравнению с иными как будто и добродушен, и незлобив, но слишком глуп, и не даром, должно быть, заслужил свое звание „Тишайшего“. Но сколько же горя и зла причинило и это царствование России! Будет ли царь умен, или глуп, будет ли он благороден или подл, все равно фатально и неизбежно проявит себя самая сущность режима, в самой основе своей уродливая неограниченная власть!

Но „человек красит место“, поскольку можно проследить судьбы тропа Российского, но именно место красит здесь человека. До какой степени однородны, одинаковы в основе оказались все те 18 царей, какие под именем Романовых сменяли друг друга на русском престоле! Как мало значения, в конце-концов, имели личные свойства и особенности того или иного украшенного короной обывателя на троне!

Алексей Михайлович считался „Тишайшим“, но именно его царствование ознаменовано сплошными волнениями, бунтами и восстаниями. Именно при нем в самых различных концах Русской земли люди доходили до созвония полной невозможности терпеть чрезмерные тяготы; именно при

нем вспыхнуло и широкой волной разлилось по России восстание Степана Разина.

Чуть ли не с первого дня, когда вступил на престол этот толстый, добродушный человек, с румяными щеками, с низким лбом, кроткими чертами лица и мягкими, веселыми, улыбающимися глазами, начались бурные смуты не только на окраинах, но даже в самой Москве.

Как жил царь Алексей? Попробуем отрешиться от той случайности, какая называется государевым званием. Попробуем всмотреться в то, как текут дни этого недалекого толстого человека.

В отличие от неграмотного Михаила Федоровича, царь Алексей уже кое-чему учился. Он знает, напр., церковную службу.

Григорий Котошихин в своей знаменитой книге подробно останавливается на воспитании царя. Он недоволен тем, что „ниим языком, латинскому, греческому, немецкому, ни котерим, кроме русского, научения в русском государстве не бывает“. Он недоволен и тем, что до 15-ти лет и больше „паревича, окроме тех людей, которые к нему уставлены, видети никто не может (таковий бо есть обычай). Даже когда царевичи в церковь идут, и тогда около них во все стороны несут особые заслоны, шармы, скрывающие их от народа, чтобы не взглянул никто, ибо малолетним дурной глаз особенно опасен“.

Алексей Михайлович назывался „Тишайшим“, но тихость эта была только приблизительная. Когда царь в великую пятницу оказался недоволен патриархом Никоном, он устраивает ему бурную сцену и тут же в церкви громко кричит патриарху: „Мужик, сукин ты сын“.

И в другой раз, пренебрегая память Саввы Стороженского в отстроенном им любимом монастыре, он устраивает еще более бурную сцену в присутствии патриарха антохийского Макария. Когда чтец начал на торжественной заутрене житие святого обычным возгласом „Благослови, отче“, царь вскочил с поставленного для него торжественного кресла, в с диким криком кинулся к чтецу: „Ты что, мужик, сукин сын, читаешь? Какое тебе — „благослови, отче“?“

Означает что ль! Тут патриарх, „Благослови владыко“ читать надо.

Царь Алексей „был мастер браниться изысканной бранью“, констатирует В. О. Ключевский, называющий этого царя „очень славным и приятным человеком, только не на престоле“.

Престол перешел к Алексею в его юности. И этому царю, при восшествии на престол, было всего 16 лет. Мы увидим, что и в дальнейшем еще долго русский престол будет все снова и снова переходить в руки недорослей из двора.

Быт того времени был до странного убог. Н. Костомаров в своей монографии „о домашней жизни и нравах великорусского народа“ — указывает, напр., что даже скамей и табуреток в домах было немного. Кресла и стулья составляли роскошь царского двора и знатных бояр, но даже и там были в небольшом количестве, в народе же вовсе не употреблялись.

Зеркал по тем временам не полагалось. Ибо церковь не одобряла, считая проявлением заморской греховности. Так же точно преследовались какие бы то ни было стеклынные картины и украшения.

Главное занятие царя Алексея — церковные службы. Великим постом, рассказывают современники, царь обедает только три раза в неделю, в четверг, субботу и воскресенье. В остальные дни, будто бы, Алексей „кушает по куску черного хлеба с солью, по одному грибу и одному огурцу“, и даже рыбу, за все семь недель великого поста, — кушает он всего два раза.

Сверх постов, он в обычные дни, „не вкушает мясного“ по понедельникам, средам и пятницам.

„Вы любите ли сыр?“ — спросили раз ханжу.

„Люблю“, — он отвечал: — „Я вкус в нем нахожу“.

Порядок жизни установлен прочно. После долгого утреннего моления, приезжают бояре, обязанные всякий день приезжать во дворец „справляться о здоровье государевом“ и бить ему челом. После этого все идет к обеду, для главной и истовой, а когда берутся за доклады и челобит-

ные, настает время обеда. С полудня дела оканчивались, уступая место обеду, который при всей скромности своей в дни поста, в праздники включал в себе до 200 блюд. Чем другим, а аппетитом издавна славится русская земля!

После обеда царь спал до вечерни. После длительной вечерни в церкви время отдавалось забавам, скоморохам и гуслирам. Времени на то, чтобы царствовать, у Алексея, собственно, не было и быть не могло. Да этого и не требовалось. Всем делом заправляли бояре.

Эпоха Алексея стоит на рубеже между новой и старой Россией и в быте этой эпохи странно и причудливо совмещаются старые и новые черты.

Особым шиком в исключительно знатных семьях считалось для главы дома жить в особых покоях и даже обедать отдельно от прочих членов семьи. Именно этого порядка и держался в будние дни царь. За то в церковь ходили ежедневно целой толпой: и к утрени, и к вечерне царь каждый божий день шествовал в сопровождении целой толпы бояр и думных людей.

Приезжать ко двору обязаны были ежедневно все бояре. Одни, ближайшие, пользуются правом входить в комнату государя, другие, чином пониже, имеют право входа только в переднюю, третьи обязаны оставаться на крыльце, а которые совсем поплоче — те даже и на крыльце не имеют права ступить, но являться к царскому выходу обязаны все ежедневно.

На парадных обедах каждое из сотен подаваемых блюд раньше всего должен был отведать повар, за ним, по чину, дворецкий, за ним врачий и т. д. и т. д., только тогда считалось, что можно быть спокойным, что кушанье не отравлено. Все блюда подаются разрезанными на куски, чтобы было удобнее „брать руками и нести в рот“. Бояре, как и сам царь, остаются во время пира в шапках.

Царские пиры длились долгие часы, не только по обилью блюд и питей, но еще и по тем спорам, а часто и дракам, с какими было неразлучно уже самое размещение гостей. Ни один из бояр не жалеет сесть ниже, то есть дальше от государя, чем его предки слживали.

Даже на пирах у простых бояр неизбежно проделывались длинные и сложные обрядности. Так, напр., хозяйка, поднеся почетнейшему гостю чару вина, немодлежна удалялась, чтобы притти снова угощать следующего гостя уже в другом месте. Затем снова следовало переодевание в третий наряд для угощения третьего гостя и т. д. и т. д. Такого рода переряживания считались необходимыми для показания богатства хозяина.

Еще больше обрядностей было на пирах у царя. Приглашению на царев пир должны были приносить с собой дары, и содержание этих даров торжественно возглашалось во всеобщее сведение с перечислением всех титулов дарителя. Еще торжественнее возглашалось царское здоровье, при чем при каждой чарке неизменно перечислялся весь длинный титул царя.

Пир неизменно сопровождался молитвословиями, духовными песнями. Трапеза начиналась молитвой „Достоинство“. Первая чарка во славу Пресвятыя Богородицы Божьей Матери, вторая за здоровье царя, потом за воинство, „первая—колом, вторая соколом, третья—мелкой пташечкой“. Длинной был список, сопровождавшийся пеннем всем многолетия, и даже часто пеннем за упокой усопших.

Молитвенный уклад пиров причудливым образом соединялся не только с разгулом, с гусярами и скоморохами, тешившими компанию выходками и рассказами, весьма часто непристойными, но еще и с обычными драками и даже убийствами из-за мест.—Широк русский человек, я бы сузил,—вздыхал в свое время Достоевский.

После обеда полагалось ложиться отдыхать. Этот общий обычай пользовался почему-то особым народным уважением. Спали после обеда цари, спали бояре, спали, заперев свои лавки, купцы, спала на улицах чернь. Не спать после обеда считалось опасной ересью—указывают летописцы (как известно, чуть ли не главным доводом, выдвинутым против самозванца, обличавшим его нецарское происхождение и уклонение от веры православной, послужил его вольнодумный отказ от послеобеденного сна).

Некоторые прерогативы в обычном образе жизни все же, по сравнению с боярами, царю предоставлялись. Супругам, в боярской среде, „не полагалось спать вместе в посты перед праздниками, воскресеньями, средами и пятницами, а также и в посты“. Царю, очевидно, в интересах государства Российского, разрешалась в этом отношении вольность. По исследованиям Костомарова, только на Святой неделе царь „обыкновенно опочивали отдельно“ от цариц. Но и тогда, по чину, „когда царю угодно было спать вместе с царицею, то последней давалось об этом знать заранее и назначалось: приходить ли к царю, или царя к себе ожидать. На другой день оба ходили в мыльню“.

Параду с убожеством быта уживалась и роскошь.

Когда царь Алексей Михайлович выезжал парадно к обедне, выезд совершался и летом, как и зимой, в больших саних. Езда в саних считалась более почетной, чем езда на колесах, и поэтому, в торжественных случаях сани употреблялись и летом. Главное духовенство всегда разъезжало, именно, в саних. Так патриарх иерусалимский приезжает в Успенский собор для посвящения в патриархи Филарета, хотя это и было 24-го июня, — не иначе, как в саних.

— Подавай, живо!.. Успул, что ли, чорт?!

Царские сани имеют вид длинного ящика, лошади украшены особыми ожерельями, побрядушками и соболями. По углам! По обеим сторонам царя у его ног на полозьях стоят два стольника, обязанных поддерживать царскую полость во время пути. Сзади, на запятках, стоят два ближних боярина. По сторонам идет толпа придворных и стрельцов с ружьями. Все обязаны быть без шапок, и только ближним боярам разрешается нести шапки в руках.

— Ура-а! Его царское величество изволит на охоту выезжать!

Некоторое представление о придворной жизни при царе Алексее Михайловиче дают уже цифровые данные: при его дворе состоит свыше 40 тысяч лошадей, к которым приравлено свыше 600 человек конюхов, стремящих, а так же приказчиков и чиновных людей, каковые „жалованы де-

некими жалованьем и платьем погодию, а равно поместьями и вотчинами", причем все они „пили и ели царское“. Денежные дела Алексея гораздо веселее, чем у Михаила. Для соколиной потехи царя Алексея содержат, напр., больше 3 тысяч соколов и ста тысяч голубиных гнезд для их корма, с огромным штатом пышно разряженных сокольниковых.

Ираны в сущности то же, как и при Михаиле. После бракосочетания царя Алексея, напр., велено произвести особое расследование, по следующему поводу: привезенный в Москву грузин Уру-Самбек привез с собой, оказавшись, кусок старой льняной ткани. Он уверяет, что это не что иное, как подлинная сорочка Иисуса Христа, та самая „срачница“, в которой Христос был распят на кресте. В качестве доказательства указывается на отверстия от гвоздей, и даже — самое убедительное! — на следы крови на рубашке. Этому рассказу не сразу поверили и придумали способ проверить его подлинность. Наложили на неделю пост на всю Россию, причем повелено было приносить привезенную тканью к болящим и наблюдать, будут ли чудеса от этой ризы Господней. Долгое время результатов не было, но через год все же успели насчитать 71 исцеленные. Пост этого, все сомнения, естественно, исчезли, и было, в срочном порядке, приступлено к постройке особой церкви во имя этой ризы Господней.

ГЛАВА II.

Когда всматриваешься в дошедшие до нас портреты Алексея, вчитываешься в оставленные современниками описания этого толстого, дородного, румяного человека („Иван Иванович очень потолстел и все играет на скрипке“, — как сказано в письме к Сквозник-Дмухановскому в „Ревизоре“), кажется, что ошибся, неправильно построил свою жизнь Алексей Михайлович. Ему бы кучером, дикимом, что ли быть! До чего бы ценили в этой вот роли его рост и дородность московские купцы.

— Пожалуйте, ваше степенство, на американской шельке прокачу.— И уже вьются кольцом пристяжны, и осанисто

выступает коренник, и осанисто глядят похожий на него кучер. — Эх, тройка, птица-тройка!

Но пред нами не кучер, а царь. Эта тройка—та самая, какую воспел Гоголь, „Раступаются изумленные народы... Куда несешься ты? Дай ответ! Не дает ответа“.

Перед нами не кучер, а царь. Но страной правят бояре с Морозовым во главе, правят круто, и разоренный, надерганный народ московский все определеннее ищется разбудить Алексея, как будто, уснувшего на своем троне. Толпы народа все чаще собираются у церкви. По началу шепотом, потом все громче, наконец, и вовсе полным голосом, заговорили: — Жить невозможно.

Порешили было подать жалобу царю, но до царя добраться уже и в те времена было невозможно. И вот кто-то из безмянних коноводов в толпе предлагает подежурить, дожидаться и захватить царя на улице и здесь всенародно потребовать от него управы на мучителей. — Дальше не куда! Жить невозможно!

Май 1648-го года...

Был май, веселый месяц май,
Кому же скучно в мае?..

Толстый, румяный Алексей Михайлович благодушно возвращается со своей свитой из Троицкого монастыря. Для чести, для разгулки царь на этот раз едет верхом.

Цветов в полях хоть отбавляй,
А лес, а птичий стан.

И вдруг толпа... Что это, откуда, почему? Толпа неожиданно окружает царя. Какие-то смельчаки хватают царского коня за узду. Громко кричат, стопет, горько жалуется своему царю люд московский! Обижают бояре народ, ялоги несутветные дерут, последнюю скотину забирают у бедных людей. Это все бояре Плещеев с Траханойотовым, и Морозов виноваты.

Царь испуган. Он не рискует повышать голоса, ласково расспрашивает, в чем дело, соболезнует и даже приветливо пытается успокоить бунтовщиков. И тогда свершается чудо:

измученные, истерзанные произволом люди вдруг растрогались. Подумать только! Сам царь, и вдруг с ними, прости емердами, холопшиками жалкими, ласково говорит. После громких выкриков, после перечисления всех жалк и указавши на угнетателей, народ, услышав приветливое слово, вдруг громко благодарит ласкового царя, желает ему многолетнего здравья, низко кланяется ему до земли.

Струхнувший царь пришел в себя и уехал дальше. Возбужденная, благодарная толпа, радостно делится впечатлениями о ласковости и приветливости царя. Главные люди верят, что теперь, когда царю-батюшке все известно, когда он лично обещал расследовать дело, все будет хорошо. Можно со спокойной душой по домам расходиться.

Но только что отъехал царь, как вот подручки Морозова накнулись на толпу. — А-а, так вы жаловаться. Толпачут копытами растрогавшихся верноподданных, свистят кнуты по головам жалобщиков, рекой льется кровь.

Способ наглядного преподавания политической мудрости оказался убедителен. Радостная вера, какой только что еще были полны народные толпы, — исчезла, выветрилась от энергичных ударов кнутами по головам. Толпа пришла в негодование и ухватилась за камни. Не ожидавшие отпора пыльные усмирители немедленно же обратились вспять, и стали спасаться бегством. Они успели было спрятаться во дворец, но толпа уже со всех сторон окружила дворец. Буйные крики с требованием выдачи ненавистного Плещеева и Траханайотова все растут, становятся все более угрожающим. Боярин Морозов, старый, осанистый, пытается выйдя на крыльцо, именем царя успокоить мятежников, заступиться за Плещеева, которого народ требует на свой суд. Но вмешательство Морозова пользы не принесло.

— А ты-то сам кто? Ты всему горю и есть голова, мы тебя давно знаем.

Морозов отступает, скрывается во внутренние покои дворца, где сидит испуганный тишайший царь, а толпа кидается разносить дворы Плещеева и Траханайотова, но, не найдя там своих обидчиков, снова возвращается к дворцу.

В Кремле паника. Спрятанный царь вторично высматривает представителя. На этот раз двоюродный брат царя Ивната Романов, взял на себя уговорить мятежников. Но повстанцы стоят на своем твердо. Выдать Плещеева! Давай сюда Траханайтова! Куда Морозова спрятали? — раздаются все громче, все дружнее возгласы из сгрудившейся толпы. Дело оказывается серьезное. И так как своя рубашка к телу ближе, то испуганный царь соглашается пожертвовать Плещеевым. В сопровождении палача его, по царскому повелению, выводят на площадь, чтобы в присутствии народа предать казни. Но народ не хочет больше ждать ни одной минуты. Озверевшая толпа уже вырвала Плещеева из рук палача и заколотила его палками до смерти.

Но гнев народа еще не утолен. На другой день толпа снова у Кремля. Плещеева то убили, но ведь живы еще и другие обидчики, Морозов и Траханайтов. Царь решает пожертвовать и Траханайтовым. На этот раз депутатом выслают к народу князя Пожарского. Траханайтову в угоду народу торжественно рубят голову. Суда и следствия производить не приходится. „По нужде и закону перемена бывает“.

Но и после этого народ стоит на своем крепко. — Выдать Морозова! — От него главное зло! — неотступно кричат в толпе.

Судьба Морозова казалась неизбежной, но повстанцев удалось отвлечь от мятежа. Огромный пожар, внезапно вспыхнувший в городе, заставил толпу отхлынуть от Кремля. Воспользовавшись этой передышкой, царь насильно борется за „реформы“. Неугодных, нелюбимых народом бояр, целыми пачками сменяют с должностей. Царскому тестю Милославскому поручено устроить целую серию пиров, чтобы задобрить население. Но всего этого оказывается все же недостаточно, и тогда царь в полном облачении в праздничный день выходит на площадь и жалостно просит народ „простить Морозова“. Он обещает отставить его от должностей, и молит народ лишь о том, чтобы сохранить жизнь старика. „Потому он нам, как второй отец. Воспитал и вырастил нас, великого государя. Сердце наше не вынесет этого“. Из глаз царя во время этой речи полились обильные

слезы, — рассказывают современники. И растроганными словами, многожды обманутый народ снова поверил и „выпившись царю, все воскликнули: — Пусть будет так, и угодно царю!“

Кто выдумал, что Москва слезам не верит? И те годы, и долгое время спустя, Москва до страшиности верила слезам.

Московский мятеж не является исключением. Царствование Алексея сплошь насыщено бунтами и восстанием. Еще задолго до Степки Разина произошли большие мятежи и во Искове, и в Новгороде, где царю пришлось таки смонить негодных народу воевод. Вставал народ и в Сольвычогодске, и в Устюге, и во многих иных местах, да и в самой Москве вспыхивали все новые и новые мятежи.

Особенно ярко сказалось настроение Москвы и так называемой денежной смуты. В те времена еще не было известно выражение „недостаток деизнаков“, но сущность дела от названия не меняется. Смуты и войны разорили государство, и тяжелые налоги не в силах были помочь делу.

Ходячей монеты было на Руси в те времена очень мало. Серебро привозили в Россию иностранцы, особенно англичане, которые расплачивались им за покупаемое ими „сырье“ (до чего повторяется история!). Серебряные монеты принимались по весу, и перечекаивались на русские деньги (троугольные), а еще чаще на иностранные монеты ставилось только русское клеймо, и они шли беспрестанно в оборот.

Но, когда русские купцы зажаждали и добились того, чтобы английские купцы были высланы из внутренних городов государства, чтобы им запретили торговать где бы то ни было в России, кроме Архангельска, торговля с Западной Европой, естественно, уменьшилась. Русские купцы, ободренные победой, путем новых прожектов добились дальнейших ограничений для иностранцев. Английским и голландцам было официально поставлено на вид, что они люди подлые и никакого доверия не заслуживают, так как они же „учинили большое злое дело: государя своего, Карлуса-короля, убили до смерти“.

Такое „вмешательство во внутренние дела“ Англии, произведенное по случаю английской революции 1649 года привело к тому, что торговля с Англией и вовсе прекратилась.

По началу русские купцы возмущались. Но вскоре оказалось, что денег до такой степени трагически нет, что жалования ратным людям платить не из чего. Боярин Ртищев посоветовал тогда царю выпустить новые деньги. Вместо серебряных — медные, которые должны были приниматься населением, наравне с серебряными. Но медные деньги так и не захотели иметь „хождение наравне“. Добрые люди, совсем как в наши дни, стали серебро припрятывать, и все стали расплачиваться исключительно медными. Цены на товары стали зверски расти. За медный рубль давали в 15 раз меньше, чем за серебряный. Серебряными рублями торговали по углам, сбывая их по дикой цене. Появились откуда-то во множестве фальшивые монеты.

Правительство делало то, что делают все правительства в таких случаях. Строго воспрещалось подымать цены на товары. Строго предписывалось, чтобы серебряные деньги не смели ценить дороже медных. Особенно старательно расправлялись за подделку, выпуск в обращение фальшивых так называемых „воровских“ денег. Людям, повинным в этом грехе, старательно заливали горло раскаленным оловом, отсекали руки и прибывали их к стенам денежного двора. Но все эти меры горю не помогали: „дензнаков“ все же не стало, товары продолжали в цене расти, продукты стали припрятывать.

Трудно в наши дни удивить чем-нибудь, не бывшим ранее, выдающую виды, злоую и насмешливую старуху, Историю!

Царь всемерно прислушивался к ябедничеству и доносам. По общему правилу служилый человек или помещик, открывший за своим товарищем какой-нибудь грех, получал в собственность имение, которое конфисковывалось у уличенного. У царя была целая сеть шпионов, набранных из бедных дворян и детей боярских. Большинство их было из тех, кто по доносу других сами лишились своих по-

местьев. Их обязанность была бывать всюду на свадьбах, на похоронах, наиболее ловкие переодевались даже и под видом нищих шныряли среди богомольцев, принимая все меры, чтобы царь знал все, что говорится среди подданных. Но на этот раз не уследили.

Когда дороговизна дошла до предела, московский народ стал волноваться. В 1662 г. народное волнение в Москве вспыхнуло из-за того, что приказные люди стали срывать расклеенные по домам воззвания, обвиняющие бояр в том, что они-де поремены в денежном деле ввели по их собственной корысти. Народ не давал срывать воззваний, жестоко избивал приказных, отбирал эти воззвания силой, и заставлял грамотеев читать их вслух. Прокламации имели успех. В толпе раздались крики о необходимости „итти к царю“. Пусть выдаст виновных бояр на расправу!

Когда многотысячная толпа неожиданно подошла к Коломенскому, Селу, где жил Алексей, государь был в церкви. Милославкино и Ртищев, чьи имена громче всего выкрикивала возбужденная толпа, немедленно скрылись в самых дальних женских покоях дворца.

Сам царь был застигнут врасплох и скрыться не успел. К нему обратились с требованием немедленно прочесть одно из сорванных воззваний, которое толпа принесла ему почему-то в шапку.

— Изволь, великий государь, вычтесть письмо перед всем миром. Изменников повели привести, — кричали в толпе.

— Ступайте домой, — ответил царь. — Когда обедит кончится, я этим делом займусь. Нарочно для этого в Москву послу.

Велико было доверие темных народных толп к царю, импровизировавшему людьми своими торжественным облачением, и своим обычным окружением из виднейших представителей духовенства в золоченых ризах. Велика была исконная привычка слушаться вачальства и, хотя бы и без малейшего повода, „в кредит“ благоговеть перед величием царя. Но на этот раз толпа царю не поверила. — А вдруг падует? Примеры-то ведь бывали.

Летописцы приводят чрезвычайно характерную сцену, какая разыгралась между убеждавшим народ успокоиться и синавшим обещаниями царем—и недоверчивыми, наученными уже горьким опытом, толпами. Царь Богом клялся, что он сразу же после обедни учинит сыск и накажет виновных, но толпе этого было мало. Только после того, как царь всея России торжественно „ударил по рукам“, по всем правилам с одним выборным из толпы, — народ согласился подождать расследования и спокойно отправился назад в Москву.

Но в Москве в это время действовали другие толпы восставших. Уже грабили дом Шорина, которого в толпе называли главным вождем. Уже новые толпы двинулись из Москвы к царю в Коломенское и, встретив толпу, возвращавшуюся вспять, новые повстанцы убедили и их снова вернуться. — Выдай изменников! — кричит толпа, вторично окружив царя. — Буде добром не отдашь виновных, мы их сами силой возьмем. Не дай погибнуть понапрасну!

Но за время, прошедшее от первого визита толпы, царь успел собрать стрельцов и приободрился. Подан знак, и вот уже вооруженные люди хлынули на мятежников. Через три столетия, 9-го января 1905-го года, мы снова увидели ту же картину. Уже корчатся и стонут раненые, и растоптанные лошади, уже уносят убитых и искалеченных. Уже отхлынула в панике обезумевшая от неожиданной расправы доверчиво пришедшая к своему царю безоружная толпа. Спокойствие восстановлено. Но, не ограничившись жестокой расправой, бояре начинают целую серию „разбирательств“. Скрипят дыба, свистят кнуты, летят головы... Не даром назывался „Тишайшим“ великий государь.

По подсчету Котошихина, после царского приказа о том, „чтобы людей бить и рубить до смерти“, погубило свыше 7 тысяч человек. Из них только двести виновных, остальные все „зрители, пришедшие из любопытства“.

ГЛАВА III.

На место Филарета, царствовавшего при Михаиле, при Алексее выдвинулся на самое заметное место патриарх Никон.

Никон представляет собой исключительно интересную фигуру того времени. Как-будто, пылкая пьеса с богатой фабулой разыгрывается между Никоном и Алексеем и те два. Тут и пылкая нежность, и своеобразная ревность, и ожесточение, и запальчивость, и месть, и горькие сожаления обеих сторон о разрыве. Как начался этот роман между Никоном и Алексеем?

Крестьянский сын Никита, много вытерпевший в детстве из-за злой мачехи, еще мальчиком бежал из дома в монастырь. Здесь мальчонка научился грамоте и церковной службе, и так как по тем временам образованность такого рода была редкой и незаурядной, то юный Никита скоро сделался священником. В 30 лет, потеряв одного за другим всех трех детей своих, Никита постриг свою жену в монастырь, и сам постригся в монахи под именем Никона.

Когда он, приехав по делам своего монастыря в Москву, в 1646 году, явился к государю, его выскочка, статная, характерная фигура произвела большое впечатление на „Тишайшего царя“. Царь ведет с ним беседы „долгими часами“, и, в знак милости, назначает Никона на значительный пост новгородского митрополита (митрополит новгородский считался вторым лицом после патриарха). Царь уже в это время пишет вежливые письма Никону.

Когда в Новгороде вспыхнуло восстание, Никон не испугался мятежников. Воевода новгородский укрылся было в митрополитском дворе. Мятежники, порывавшись с дубьем и камнями, нанали и на самого Никона и свалили его на землю. Но и избитый, с лицом, залитым кровью, котореч текла у него изо рта и ушей, Никон сумел обратиться к толпе с такими спокойными и серьезными словами увещания, что мятежники послушались властного тона. После этого царь и вовсе расчувствовался.

Всмотреться в то, как складываются отношения Алексея к Никону—это лучший способ понять психику Тишайшего царя.

Всегда обожавший писание писем, доходивший в этом спорте до подлинной графомании (что выражалось, между прочим, в попытках сочинительства не только мемуаров,

но даже и стихов), Алексей засыпает Никона целым рядом своих грамот. В этих письмах царь именует его „новым стратотерцем и мучеником“, возлюбленным своим и содружебником“ и даже „великим и сияющим солнцем“. Отныне Никону поручается ведать не только церковными делами, но и вообще повластно править Новгородом. Царю не жалко!

Когда в 1652-м году Алексею захотелось перенести в московский Успенский собор мощи митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря—это дело также поручается Никону. Верный своим замашкам графомана, Алексей считает уместным и в этом случае написать особое письмо покойному митрополиту. Тот давно умер и трудно предположить, чтобы он счел нужным вставать из гроба, чтобы прочесть „дресованное“ ему воззвание Тишайшего царя, но автор усердствует во-сю. Не довольствуясь тем, что написано под его диктовку: „Молю тебя, пресвятый владыко, приди к нам в наш богохрапный град Москву, молю тебя о сем“,—Алексей на этой грамоте, препровождаемой убошему через Никона, собственной рукой пишет еще и особое приветствие покойнику: „О, священна главо, владыко Филиппе! Я, царь Алексей, желаю видети ти и поклонитися твоим святым мощам. Приди к нам“.

Когда Никон исполнил поручение и привез мощи, царь всумал принять меры по избранию Никона в патриархи. В письмах по этому поводу он называет своего любимца „собилным другом, душевным и телесным“. Жить в разлуке с ним он не хочет и не может.

Собор святителей, собравшийся в Москве, свято выполняет желание царя, и немедленно же провозгласил избранным на пост патриарха царского любимца. Но Никон упрямится.

Уже служатся многочисленныя молебствия о здравии „новоизбранного патриарха“, но Никон непреклонен. Он не желает принимать на себя этот сан.

Снова и снова посылает Алексей не только бояр, но и святителей уговаривать упряма, но тот всякий раз, категорически отказывается, и одно посольство за другим возвращается ни о чем.

Тогда Алексей распорядился силой приволочь в церковь нового патриарха. Уже и приведенный, он все же стоит как столб, и попрежнему отказывается принять патриаршество. Все присутствующее в церкви валяется на пол, со слезами молят Никона согласиться, но он непреклонен. Падают наконец в ноги Никону и сам царь, обливаясь слезами. Никон непреклонен.

Только после очень долгого искуса Никон, наконец, заявляет:— Называемся мы все христианами, но на деле не исполняем мы заповедей евангельских. Если вам, и вправду, надо, чтобы я у вас патриархом был, дайте обет—здесь, в церкви, пред иконами клянитесь, что все будете слушаться меня, как главного архимастыря вашего и отца.

Требование Никона беспрекословно выполняется. Сам царь, бояре и все духовенство принесли особую присягу, перед Евангелием и иконами произнесли клятву почитать Никона, как отца, и исполнять все, что бы он ни предложил. Только тогда, наконец, согласился суровый Никон принять патриаршество.

Хиур и суров был новый патриарх. Духовенство то в то время, темное, невежественное, строжайшими мерами преследовалось. Снятие сапа, заключение в тюрьму, ссылка, казни.— До чего дошло, уже священнику и пьяным запиться нельзя,—жаловались члены прѣдѣла.

Не ограничиваясь крепкой уздой, наложенной на священнослужителей, Никон берется и за самую церковность. Существующие как-будто, спокойнѣе веку обычаи Никон пытается исправить. Священные книги, впервые напечатанные в России при Иванѣ Грозном, были воспроизведены с цѣлаго ряда списков вместе со всеми ошибками, какъ в них вкрались. Никон сурово берется за исправление ошибок. Не довольствуясь проверкой по рукописям, он обещает взяться за греческіе первоисточники, поручает специалистам разобраться в той путаницѣ, какая создавалась в теченіе долгихъ лѣтъ. И,—о, ужас!—оказывается, что русские неправильно творят крестное знаменіе двумя перстами. По старому, креститься следует, будто бы, тремя.

Никон ошолчается против новин всякого рода. Его задача во что бы то ни стало вернуться именно к старой, додлинно-древней вере. Но все окружающее — в ужасе. Для них все шаги Никона представляются именно нарушением обычая, новизной и проклятой ересью!

Когда юрьевский протопоп Аввакум получил „памятную грамоту“ о необходимости креститься тремя перстами вместо двух, у него, по его словам, сразу „сердце озлобло и ноги задрожали“.

Что же это, конец света, что ли?!

Только горячая дружба и любовь царя Алексея могла дать Никону смелость встать на путь борьбы с создавшейся обрядностью. Еще когда Никон был в Новгороде, царь послал ему так называемую „несудимую грамоту“, по которой его власть объявлялась неограниченной, и ответственности он не подлежал. Теперь Алексей идет еще дальше.

Он не только поручает Никону целый ряд дел, вовсе не относящихся к церкви, как, например, борьбу с епидемиями. Он предоставляет Никону, кроме звания патриарха, еще и звание „великого государя“, на подобие того титула, какой был при Михаиле Феодоровиче присвоен Филарету.

Никон оказывается отныне подлинным самодержцем всей России. Он строит все новые и новые монастыри, которые царь щедро оделяет землей и вотчинами. Он поражает толпу пышностью. По свидетельству современников, „целые пуды жемчуга, золота, драгоценных камней“ идут на облачение патриарха.

Чем больше его власть, — тем круче и суровее его меры. Никон не останавливается перед тем, чтобы объявить в Успенском соборе торжественное проклятие всем, кто осмелится креститься двумя перстами.

Народ в ужасе. — Синокон веку крестились — двуперстным сложением. Угодники Божии так крестились! А теперь за это патриарх в соборе проклинает!!

Но Никон идет и еще дальше. Наряду с ошибками, какие он нашел в божественных книгах, он усмотрел также же ошибки, вредные новшества и отступления от старины и в законописании. Иконописцы, увлеченные западной пре-

лестью, рисуют вовсе не то, что следует. И вот Никон, со всем пылом, начинает борьбу еще и с иконами. По всем домам, не исключая домов знатных сановников, посылаются люди для „отобрания икон нового письма“.

Москвичи в ужасе от этого поругания святых, но решительный Никон приказывает на конфискованных иконах, так как это изображения еретические, — выколоть глаза и в таком виде носить их по городу. Самые грозные наказания уготованы тем, кто осмелится писать неканонические иконы или хотя бы будет почитать отбirlomные.

В церкви, в присутствии царя, Никон торжественно предает анафеме всех тех, кто осмелится хотя бы держать у себя в доме эти иконы. Во время служения ему приносят огромные пачки икон. Показав каждую из них народу, он „бросает их на пол с такой силой, что иконы разбиваются“, и приказывает разбитые иконы сжечь.

Народ в ужасе. Тишайший царь и сам испуган: он просит патриарха о снисхождении, о том, чтобы разбитые иконы не жгли, а зарывали в землю, но Никон идет все дальше и дальше.

Разбивая в церкви иконы, Никон называет по именам тех „еретиков“, знатных и сановитых бояр, которые конкуратно держали эти иконы у себя в доме. Количество врагов у Никона угрожающе растет. Но Никон не унимается. На соборе 1656 года нарекли уже проклятию на неповинующихся церкви последователей двуверсия. Все, пытающиеся спорить, подпадают под суровую руку патриарха: епископ коломенский, Павел, зинчен сам в сослан. Юрьевский протопоп Аввакум сослан. Полный ряд иных, виднейших представителей духовенства, заключена в тюрьмы.

Никон выпускает в свет все новое и новое церковные книги в исправленном виде. Вместо трегубого (троскратного) аллилуия — введено аллилуия сугубое (двойное). Еще больше потрясающе впечатление от того, что в новых изданиях церковных книг печатается имя Иисус, вместо Иесус.

В народе глухое волнение доходит до предела. Зверь лютый! — таково обычное название Никона. Все усили-

важтся толки о близком появлении Антихриста, о гибели земли, неизбежной, в виду скорого наступления рокового 1666-го года (три шестерки, — число звериное!) А строгий Никон, борясь за все эти частности, и требуя возвращения к церковной старине, одновременно с этим борется еще и против европейской новизны, какая проявляется в эти годы в домашнем быту бояр. Никон приказывает жечь картины, какие повешены на стенах, уничтожать музыкальные шкатулки, какие стали тогда очень распространены, разбивать зеркала, резать на части ливреи, в которые бояре вырядили было по новой моде свою челядь и т. д. и т. д.

В той атмосфере общей и дружной ненависти, какую питали к Никону представители всех слоев населения, — неизменной остается нежная любовь к Никону в сердце царя Алексея. Когда боярин Семен Стрешнев из ненависти к патриарху называет свою собаку именем „Никон“, патриарх возглашает немедленно анафему Стрешневу. Стрешнев в опале. Стоит Никону указать царю на кого-либо из бояр, как на своего врага, и вот уже загублен человек, ссылка и опала, а не то и кнут, и лютая казнь, постигают врага.

Но вот неожиданно назревает вдруг ссора между царем и Никонем. Ссора эта началась на денежной почве. Ах, на свете нет ничего хуже материальных осложнений! Самое чувствительное самолюбие — это всегда именно карманное самолюбие.

Мы видели, как тяжело складывались при Алексее финансовые дела государства Российского, как резко проявилась „падение курса“ и „отсутствие дензнаков“. Царь — это, конечно, „помазанник Божий“ и „днеть власть аще не от Бога“. Но жалование все же служилым людям платить нечем, а кому же пужон такой царь, который не платит жалования?

В этот тяжелый период Алексей высказал желание воспользоваться огромными монастырскими богатствами, скопившимися в распоряжении патриарха. Никон резко, решительно и категорически, отказывает. Всеми мерами воспротивился властный патриарх этой попытке изъятия церковных ценностей.

Царь обиделся. Как человек бесхарактерный, вместо того, чтобы прямо и определенно высказать Никону то, что он думал, он затаил в себе обиду, и стал лишь холодной Гордый Никон тоже обиделся и стал показывать вид, что ему-де милость царя безразлична, что он вовсе не собирается заискивать.

Безчисленное количество Никоновых врагов ликуют. Они принимают все меры, чтобы раздуть ссору, чтобы углубить наступившее охлаждение. Общий тон окружающих резко меняется. Кое-кто из бояр, еще только-что трепетавший пред неограниченной властью патриарха, позволяет себе дерзко вмешиваться в церковные дела. Никон пишет царю оскорбительные письма. Он, Никон, не допустит такого „честия“. Неужели царь забыл, кто такой он, он, патриарх Никон?

Но царя уже успели натравить, ему уже нашептали, что вот-де патриарх из твоей государственной воли вышел, тебя, великого государя, ни во что ставит, неужто ты, царь, такое над собою издевательство стерпишь?

Растет и усиливается рознь между недавними друзьями, царем и патриархом. Когда в 1658 году, при дворе, устранивается большой обед по случаю приезда в Москву грузинского царя Тоймураза, — патриарха к обеду не пригласили. Более того: — когда высокий царский гость церемониальном шествует во дворец, окольный Хитрово, наблюдавший за порядком и расчищавший путь, отгоняя по обычаю толпой направшую толпу любопытных, хлопнул по голове попавшегося под руку патриаршего боярина, посланного Никоном к царю. — Я тебе не кто-нибудь. Я от патриарха послан, — кричит обиженный.

— Не дорожись патриархом, — отвечает обидчик, и снова бьет посланного.

Этого оскорбления Никон не смог перенести. Как!? Его, всемогущего патриарха, не только не зовут на обед, но еще его посланца, его представителя бьют, как какого-то рядового солдата, самого обыкновенного смерда?!

Никон посылает царю резкое письмо, где требует немедленно учинить сыск и сурово наказать виновного за обиду.

Но Алексея уже настроили против его друга. Слабохарактерный царь демонстративно перестает являться на патриаршие богослужения и демонстративно избегает встречи с Никоном. Никон ждет, он не показывает вида, но раз за разом безрезультатны оказываются ожидания.

В Успенском соборе совершается чин празднования Поклонения Ризы Господней, привезенной из Персии. Уже на этот-то раз, хотя бы по случаю высоко торжественного дня, царь придет в храм, — уверен Никон. Но царя нет. Вместо него появляется князь Ромодановский, присланный царем:

„Царское величество гневается, ни ко всеюнощной, ни к обедне не придет“.

Никон удивлен. — За что гневается государь?

„Ты, недостойный, оскорбляешь царя тем, что позволяешь себе „великим государем“ писаться. — У нас один великий государь — царь Алексей Михайлович“.

Никон изумлен. Не по своей ведь воле, а по приказу царя стал он великим государем писаться. — Вот грамота об этом, собственной рукою царя написанная, — гневно возражает он.

„Царское величество тебя почтил, как отца и пастыря, но ты не понял. И теперь государь приказал сказать тебе, чтобы ты более впредь „великим государем“ не писался и не звался“.

Никон уязвлен в самое сердце. Он ничуть не дорожит почестями и титулами. Но он просил дать ему их, а его просили их принять. Но теперь, когда эти титулы отнимают, он примириться с таким унижением не может и не хочет. Отслужив литургию, Никон пишет царю письмо о том, что отказывается от патриаршего чина и звания:

„Се ныне отхожу от места и града сего! А ты, царь Алексей, являши ответ перед Господом Богом о всем дати“.

Но обида зашла слишком далеко. Царь вернул письмо без ответа. — Ах, вот как?! Ну ладно!! Никон после обеда обращается к народу с заявлением о своем уходе. „Я вам более не патриарх. Будь я анафема, если захочу быть патриархом“... И кончив свою речь, Никон тут же в церкви

снимает с себя патриаршее облачение, и надевает черный монашеский клобук.

Народ, переполнявший церковь, потрясен. Многие плачут. Другие кричат, что „не выпустят“ его из церкви без государственного указа.

Ждал ли Никон, что после этого театрального жеста царь не выдержит и придет просить его? Царь, хотя и был очень ошеломлен резким поступком Никона и даже восстал сказать Никону, чтобы он „не оставлял патриаршества“, но лично царь так и не захотел прийти к бывшему любимцу, не захотел сказать того ласкового слова, которое могло бы помирить поссорившихся друзей.

Никон, сняв с себя мантию, уходит из собора. Он идет пешком в Воскресенское подворье. Здесь он двое суток ждет:— Выть-ужет, царь все еще отзовется, поймет, что он сделал. Но царь молчит, и Никон уезжает в Воскресенский монастырь.

Трудно без волнения следить за тем, как меняется тон писем, какими отныне заполняет свой невольный досуг оставшийся не у дел Никон. По началу, в своих письмах к царю, он снова и снова говорит о том, что он отказывается от патриаршества; он со всей охотой благословляет крутицкого митрополита заменить себя, и даже просит Алексея „скорее назначить ему преемника“, чтобы „церковь не вдовствовала“.

Царь в эти дни тоже по всем признакам горько жалеет о разрыве с Никоном. Он внимательно следит за тем, что делает Никон на покое, как он возводит постройки в Воскресенском монастыре, копает пруды, разводит рыбу, расчищает лес. Царь не только посылает ему деньги на украшение монастыря, но даже посылает ему в монастырь разные лакомства.

Но бояре не дремлют. Они слишком заинтересованы в том, чтобы обезвредить властного и всесильного Никона, и вот в патриаршем жилище в бумагах Никона в его отсутствие производят обыск.

Удар рассчитан правильно. Никон оскорблен до глубины души. Никон пишет царю резкое письмо:— Как дошел ты до такого дерзновения. — спрашивает он государя. И оскор-

Словный этим письмом Алексей прекращает после этого опыта к сближению.

ГЛАВА IV.

Идут медленной чередой серые дни, и вот Никон, так презрительно относившийся дотоле к власти и связанному с ней могуществу, уже затосковал. Он не находит себе места, не может даже скрыть острого желаниа снова оказаться на патриаршем престоле, снова показать себя во всеоружии и отомстить врагам. Он пишет теперь царю, что ушел-то ведь он из Москвы по своей воле, что благодати святой с него никто не снимал, что сан патриарший — это не штука, которую можно по произволу отнять.

И, когда крутицкий митрополит, им же рекомендованный в качестве заместителя, позволяет себе заметить патриарху во время торжественной процессии „шествия на ослики“ — Никон выходит из себя, рвет и мечет. — Как? Какой-то крутицкий митрополит занимает то место, какое надлежит ему, великому патриарху?

В 1660 году особый собор из русского духовенства, при участии нескольких греческих духовных лиц, обсуждает возмещение.

Собор обвиняет Никона в самовольном оставлении патриаршего престола и присуждает его к лишению священного сана. Но Никон держится все того же гордого тона. — Это не собор, а некое жидовское собрание! — пишет он царю. И царь так и не осмеливается привести в исполнение соборное постановление.

Никон на покое, Никон в отдалении, Никон в опале, но Никон чувствует себя попрежнему патриархом с головы до ног. Когда замещающий его крутицкий митрополит запретил поминать Никона в церквах, опальный патриарх в своей монастырской церковке торжественно возглашает „анафему“ митрополиту, замещающему патриарший престол.

„Не от царей, — пишет он Алексею, — приемлет начало священство, но от священства на царство помазуются. Священство выше царства. Господь двум светилам светить повелел, — солнцу и луце. Царская власть в вещах мира

сего, «снѣ луна есть, архиперейская власть — над душами как солнце сияет».

Но и эти мятежные речи проходят без последствий для гордого патриарха. Пока его дерзости касаются его личных отношений к государю, пока он касается даже и самих принципов царских прав, всё обстоит благополучно. Но вот патриарх осмелелся осудить способы и приемы управления, проявил себя и в этой, вот, административной области бунтовщиком, — обстановка сразу же резко изменяется.

В той полемике по вопросам государственного устройства России, которая в конечном счете погубила Никона, он высказывает мысли правильные и здравые. Слуги царевы, по письму Никона, „хлеб, деньги дерут помилостиво. Весь род христианский отягчился. Судят и насилюют мнѣе судьи. Народу есть нечего. Нет никого, кто был бы попилован. Нищие, слепые, вдовы, все данями обложены тяжкими, везде плач, нет никого веселящегося в дни снѣ».

Все сходило с рук Никону. Но, когда в словах его как мы видим, проявилась определенное недовольство против существующего строя, когда почувствовалась в его речах опасная крамола, — его судьба оказалась предопределена.

Никону посылается целая программа допроса, особый анкетный лист, с предложением заполнить все его пункты. Удар рассчитан безошибочно. Гордый Никон выскажет и откровенно и таким образом сам, своими руками, подпишет свой приговор. С таким документом в руках боярам не трудно будет создать обвинение против него в том, что он крамольник, восставший против царя, желающий погубить царским проклятием и самого царя, и всю семью его.

Царь горько плачет. „Чем виновата жена моя и любезные дети мои, чтобы подвергаться клятве“? — говорит он со слезами собору архиереев.

Следствие ведут лютые враги Никона. Ни малейших улик против Никона нет, обвинения против него оказываются вымышленными. Но в это время сам Никон допускает новую резкую неосторожность. Некий боярин Зюзин в своем письме к Никону советует ему, как ни в чем не

...аже, явиться в ближайший праздник в Успенский собор, занять свое патриаршее место и пригласить по обычаю государя в церковь. Столковавшийся по деятельности, по силе власти, Никои рад этому предложению. Он убеждает сам себя в том, что о такой встрече с ним мечтает и сам царь. Разве стал бы боярин Зюзи от себя, на свой страх, также слова писать?

И вот Никои внезапно возвращается в Москву. В Успенском соборе идет заутреня в ночь с 17-го на 18-го декабря 1633 года. В 3 часа ночи распахнулась дверь и с шумом входит толпа монахов с Никоием. Впереди процессии несут патриарший крест, Никои властной рукой берет посох митрополита Петра, занимает патриаршее место, и вместе с ним монахи поют с видом победителей „Аллилуя эти деснота“.

Все присутствующее в церкви остолбенело. Но гордая патриаршая осанка действует на всех попрежнему. Когда Никои возгласил призыв духовенства к благословению, все стало почтительно и робко подходить к его руке.

Если бы не „крамольные“ слова в письмах Никоиа, подрывающие основы существующего строя, царь, быть может, и обрадовался бы мирному завершению распри, тем более, что в письме, посланном Никоием царю, он заявляет: „Пришли мы в еротости и смиренни, неся с собою мир“.

Но царь испуган. Что-то уже сломалось в его бесхарактерной и дриблой душе, и исправить этого не в силах даже и присутствие Никоиа. Вместо личного письма в ответ на письмо Никоиа, он посылает бояр, которые корят его за самовольное возвращение и от имени царя заявляют:

— Уезжай туда, откуда приехал.

Никои потрясен. Как? Он, патриарх, сделал первый шаг и вот, вместо того, чтобы оценить это, кинуться к нему за шею, и умолить его забыть прошлое, — царь гонит его. Ни одной минуты не останется более он среди нечестивцев!

„Стрясаю прах от ног моих!“ — гневно возглашает он, потрясен посохом св. Петра. — „Да разметет вас Господь божественной метлой своей“, — возглашает, покидая Москву, Никои.

указывая на горюшную в это время на небо, смущая
ум, похожую на метлу, комоту.

Никон уезжает к себе, в Воскресенский монастырь. Ряд смущен его гневными проклятиями. Но при дворе уже никому не страшно. В пути его догоняют, силы отбирают у него по приказу царя посох св. Петра, подносят его допросу. Он называет имя Зюзица, приказавшего его в Москву. Зюзица после дурных пыток сослан в Казань.

Только теперь, с этого момента окончательная опала Никона начинает губить и самое дело его. Революции старости на время поднимают голову, останавливаются смелее. Сосланного было Аввакума возвращают из Сибири в Москву.

Царь изменил и предал не только Никона, но и само дело его. Впрочем, вскоре новый собор духовенства в 1666 год, (число звериное!), снова меняет линию поведения и преследование староверов возобновляется с новой силой. Аввакуму лишают сана и ссылают в Пустозерский острог, последователям старой веры, стоящим за двуверетие, не только слова „режут“, урезают по официальному выражению того времени, языки, но и жгут их на кострах.

Никон снова пытается отослать царю длинное и резкое письмо, но письмо это до царя не доходит. Перехватывающее его бояре в восторге. Воистину незаменимый материал для суда над собой дает этот обвиняемый!

Духовный собор, созванный для суда над Никоним, обставлен исключительно серьезно и торжественно. Никогда еще не бывало такого собора на Москве. 10 митрополитов, два восточных патриарха, антиохийский и александрийский, возглавляют собор. Никона привезли ночью, соблюдая тайну. — Не задавить ли меня, как митрополита Филиппа, собираетесь? — насмешливо спрашивает у приставленной к нему стражи Никон.

Суд над патриархом был поставлен, как тяжба его с государем.

Для всех членов собора было ясно, что оправдать Никона, — это значит обвинить государя. Приговор пред-
решен.

Никон попрежнему остается верен себе. Он входит в зал суда с преднесением креста и добивается этим того, что все члены собора и сам царь должны встать при его входе. Ни на минуту не желает он считаться с тем, что он подсудимый. Он — патриарх.

Ему указывают место наряду с архиереями, участниками собора, но это указание он считает оскорблением для себя. Если для него не приготовили особенно почетного, патриаршего места, — он вообще не идет. Восемь часов подряд, все время заседания, стоит он во весь рост, опершись на свой посох.

На обвинения он отвечает обвинениями. Он не желает и пытаться примириться с государем. Полным голосом, резко и зло, высказывает он всю горечь обиды, какая накопилась у него на душе. Резко и грубо обрывает он и членов собора, своих судей. — Патриаршества он не оставил, это ложь, — говорит он, — он ушел лишь от гнева государева.

Ему предъявляют адресованное им царю, перехваченное письмо. Царь жалуется на обидные выражения в этом письме, но Никон от ответа на это отказывается. Он писал тайно, и не его вина, что написанное им тайно сделано явным, — насмешливо отвечает патриарх.

Приговор давно предрешен. Никон объявлен лишенным не только патриаршества, но и священства. В монастырской церкви совершается обряд снятия сана.

— Почему обряд сей совершаете вы тайно, как воры? — спрашивает Никон: — Знали вы меня в патриархии при всем народе, в соборе, отчего теперь в уголке прячетесь?

Восточные патриархи, которым поручено спять с него клубок и павагию, не отвечают. Они продолжают свое дело, безмолвствуя.

— Жемчуг-то с клубука поделите меж собой, бродяги! — презрительно говорит Никон: — Придется вам от меня не несколько золотников.

Оба патриарха люди серьезные. Они не любят полемики и сохраняют молчание. Свои „золотники“ они подсчитают после.

Никона отправили в заточение в Ферапонтов монастырь. Архимандриту дан строгий приказ следить, чтобы Никон

никаких писем не писал. Уже и во время заточения, после приговора, царь пытается еще умиловить грозного Никона, посылает ему деньги, меха, просит у него прощения и благословения. Но Никон отказывается принять царские дары, отказывает в благословении и говорит:

— Будем ждать суда Божия.

Целые годы еще Никон хранит свою гордость и упорно отсылает назад дары, присылаемые царем. Но с течением лет заточение слабит железный нрав Никона. Он меняется до неузнаваемости. Этот большой человек не в силах жить среди мелких, крошечных интересов. Он рожден для огромных горизонтов. В болоте провинциального быта глухого монастыря он опускается до мелких дрызг, постоянных клевет, ссорится с иноками, пишет бесконечные жалобы на то, что царь послал ему рыбы, а яблочков, небось и винограда не прислал; на то, что архимандрит монастырский притесняет его и напускает ему в келью чертей, и т. д. и т. д. Ослабев, он жадно принимает ныне все гостинцы от царя, горько жалуется на малое число сладостей, клеветничает, ссорится, но и до смерти ни на иппуту не хочет расстаться со званием патриарха и только и делает, что подписывается титулом патриарха на всех бумагах, вырезывает свой титул на стенах, на стульях, на столбах.

На что только не размениваются, как трагически гибнут крупные люди на Руси!

ГЛАВА V.

Алексей Михайлович, хотя и без достаточных оснований, но совершенно серьезно считал себя кандидатом на польский престол, и старался устроить придворную жизнь по польским образцам.

Русским послам за границей вменялось в обязанность описывать все порядки, придворные балы и спектакли. Дворник Духачев, отправленный в 1659 году в тосканскому герцогу, в своем дописании подробно описывает „комедию“, которую он видел на придворном балу: „Объявились палаты, и быв палата вниз уйдет, и того было шесть пере-

ней. И многие предливные молодцы и девицы выходят из занавеса в золоте и танцуют. И многие диковинки делали”.

При Алексее Михайловиче, по его почину, впервые проникают в Россию и первые проявления роскоши. Вместо прежних кибиток, у царя, а за ним и у бояр появляются пышные кареты немецкой работы. Впервые появляются каменные дома, вместо деревянных. Стены обивают „золотыми кожами бельгийской работы“. Появляется немецкая музыка и даже впервые „комедийные действия“. Дотоле театр считался „бесовской игрой“, но Алексей добился у своего духовника особого разрешения на эту „богопротивную прелесть“. Разрешение выдано в виду примера, данного византийским императором, и вот, в 1672 году, по случаю рождения царевича Петра, — царь издает указ учинять комедию.

Для заведывания труппой выписан почему-то лютеранский пастор, Грегори. Пьесы ставятся своеобразные, то „прохладные“ (веселые), то жалостные. Библейские сюжеты соединены здесь с участием шутов, с балаганскими, а часто и вовсе непристойными выходками. Дело пошло на лад. Уже через год у Грегори образовалось своеобразное ТЮГ: 26 „молодых мещан“ приехали к пастору учиться комедийному делу. Вслед за этим вводится даже и балет. За отсутствием Айседоры Дункан, балетные спектакли посвящены преимущественно тому, как Артаксеркс велел повесить Амана.

Алексей Михайлович впервые падел на себя немецкое платье. В его время все очевиднее завязываются связи с западной Европой, все явственнее чувствуются те всякие нововведения эпохи, какие так резко, огнем и мечом проявлялись себе при его сыне, Петре.

Всегда ехидный В. О. Ключевский говорит, „что в преобразовательном движении царь Алексей Михайлович принял неудобную позу: одной ногой он еще крепко упирается в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом перешительном, переходном положении“. Когда всматриваешься в густой и креп-

—хоть топор вешай,—быт эпохи Алексея Михайловича, поразившая странной, уродливой смесью древне-русского с европейским.

В 1673 году шведский двор решил послать особое посольство к русскому двору, чтобы вынести вопрос о возможности союза Швеции с Россией против Турции. Военный агент посольства, молодой артиллерийский капитан Эрак Пальмквист, вернувшись на родину, представил своему королю дневник о пребывании в России, и повесть орава, хранящаяся в шведском государственном архиве. К русским и вообще к России Пальмквист относится весьма неодобрительно.—Это нация недоверчивая, неговорчивая, робкая, но вместе с тем надменная, много о себе воображающая и с пренебрежением относящаяся ко всему иностранному,—говорит Пальмквист: —русские обладают необыкновенной физической силой, но крайне ленивы и охотнее всего предаются разгулу. Ничто не идет более к русскому характеру, как торговать, барышничать, обманывать. Честность русского редко может устоять перед лаской. Он так жаден, так корыстолюбив, что считает всякую сделку честной. Русский не имеет понятия о правдивости и видит во лжи только украшение.

Как и всякие обобщения такого рода, все эти наблюдения имеют только очень условное и случайное значение. Гораздо значительнее и интереснее те места дневников Пальмквиста, где он не рассуждает, а рассказывает то, что видел своими глазами. К его дневнику, как и к дневнику Олеария, приложены иллюстрации, представляющие очень большой интерес. Здесь изображения и описания происходящего в России, и картина приема царем чина посольства и т. п.

Любопытны детали, касающиеся уже и приезда посольства в Москву. Шведы перешли через русскую границу особой процессией, для которой на каждой станции предназначалось заготавливать 440 лошадей. Процессия эта сопровождалась особой, „собственной его королевского величества каретой“. По благословию шведских послов, до сих пор известно, что посольство не брало с собой этой „карей его величества“.

присутствием ее в данном случае русским делалась, угодно-бы, особая честь. Впрочем, уже при въезде посольства в Новгород, выяснилось, что ворота, через которые должна была проникнуть в город процессия, слишком низки для кареты, и новгородский воевода предложил им карету оставить, а самим пересесть в другую, для чего иррозким была предложена даже особая почетная царская карета.

Шведы обиделись, усмотрев в этом предложении подрыв репутации его величества короля шведского. Пришлось специально ломать ворота и расширять их, чтобы карета могла протиснуться. Проделав эту путанную историю, новгородский воевода со своей стороны тоже обиделся и категорически отказался отпустить послов в дальнейший путь в этом экипаже. Послам пришлось примириться, и пересесть в другую. В утешение им была дана „карета царская, с балдахинном сводчатом, вызолоченными шарами и обитая красным бархатом“. Перед нами „не простое личко, того“.

Трудно совершали путешествия в то времена. Даже переезд по морю требовал очень большого времени. Шведское посольство выехало из Стокгольма на восьми корабле 21-го августа и вошло в Ревель только 14-го сентября. Это еще медлительнее был сухой путь. От Ревеля, к русской границе удалось ирпехать лишь 18-го ноября. В Новгород, где пришлось ломать ворота, прибыли 2-го декабря. До Москвы удалось добраться только накануне Рождества.

Встречено посольство в Москве торжественно. 24 полка пехоты и огромное количество кавалерии было выслано за город, навстречу знатных иностранцев. Пред каждой ротой—описывает Пальмквист—стояли музыканты с бубнами и сапрелими и производили страшный шум. Царские пристава явились в сумерки на окраину города, чтобы от имени государя приветствовать прибывших, вышли для этого из садей; и бедные шведы горько жалуются на то, что из-за этого им пришлось и самим вылезать из карет и провести много времени под открытым небом на морозе, пытаясь столкнуться через переводчиков.

Незадолго до того Алексей Михайлович издал целый ряд указов, чтобы народ не бранил немцев и вообще всяких иностранцев, в том числе и малороссиян, — поносными словами.

5 месяцев продолжалось путешествие послов, но главные трудности встретили их, оказывается, в Москве. 3-го января 1674 года назначена была первая торжественная аудиенция послам. Но, как оказывается, между шведами и русскими сразу же возникли бурные пререпарателства по вопросам церемониала. Русские требовали, чтобы послы вступили в тронную залу без тростей, без шпаг и с непокрытой головой. Послы согласились шпаги и трости оставить (взымалась ли в таких случаях принятая ныне в театрах плата за хранение, об этом историк так и не сообщает), но оснажить головы отказались, ссылаясь на то, что таких инструкций они не имеют. Русские обиделись и заявили, что „даже послы римского цезаря“ не являются на аудиенцию перед царем с покрытыми головами. Шведский посол Оксеншерн тоже обиделся и заявил, что раз послог не хочет допустить с должным решением, то из дела вообще ничего не выйдет. В назначенный день аудиенция так и не состоялась.

На завтра переговоры возобновились. Послы заявили, что они отправят в Швецию особого гонца, чтоб повергнуть дело на рассмотрение своего государя. Конечно, эта процедура отнимет много месяцев, но послы подождут. Им не к спеху. Послы рассчитывали, что царь, заинтересованный делом, по которому они приехали (вопрос о союзе со Швецией против турок считался срочным), узнав о грозящем замедлении, станет сговорчивее и добрее. Но русские оказались хитрее. Раздраженные упорством шведского посла, „русские стали грубы“ — жалуется Пальмквист: — они не только не разрешили отправки гонца, но, приставив стражу к посольскому помещению, распорядились вообще никого туда не впускать и никого не выпускать. Шведский резидент в Москве, Адольф Эбершельд, приходивший было в гости в помещение посольства, оказался запертым. Сколько ни просил он о том, чтобы его отпустили дома,

просьбы не помогли. Резидент вынужден был поселиться где-то на снатье в приходе-й.

На указания шведов, что их, мол, подвергают незаконному аресту, русские бояре отвечали: — У нас такой порядок. Пока послы иноземные у нашего царя на приеме не побывали, нигде их выпускать не полагается. В чужой монастырь со своим уставом соваться нечего.

Игра самолюбий продолжается все дальше и дальше. Шведские послы остаются под стражей, но выдерживают характер и попыток к возобновлению переговоров не делают. Тогда, через три дня, послам объявлен царский приказ готовиться к отъезду. — Приказано, чтобы 7-го числа назад ехали. Беспроблемно.

— Это мы всегда готовы сделать, — отвечает шведский посол Оксеншерн и распоряжается укладывать вещи. В чемоданы наспех запаковываются все подарки, какие были привезены от шведского короля русскому царю. Тогда, будто бы, русские бояре сделались сговорчивее, и, отменив прежний приказ, разрешили послать гонца в Швецию за инструкциями насчет сизмания шляп.

15-го января переводчик Самуил Эосандер выехал с письмом к Карлу XI. Через три месяца этот гонец умудрился вернуться с ответом. Побывал ли он и вправду в Швеции, или, спасая аппаратом, пережидал где-нибудь в Ревеле, но дело решено. Король шведский согласен.

30-го марта, наконец, состоялась долгожданная аудиенция.

Торжественное шествие между двумя рядами стрельцов двинулось из посольского дома к Грановитой палате. Во главе процессии несут подарки, присланные королем и королевой шведскими русскому царю и царице. Всех подарков 82. Состоят они раньше всего из золотых и серебряных вещей. Здесь, далее, умывальник, люстра и, как особенное чудо, фонтан, который „льет воду сам-собою“. Это еще не все. Королева шведская — ура! — преподарила русской царице часы золотые, ночную юбку и кофту, вышитые серебром и синими шелками, а также „прочие женские галантерейные вещи и раритеты“. За чинами посольства с подарками едет маршал посольства, пастор, гоф-юнк-

пер, секретаря, несущие на голубой тафте доверительные грамоты, послы, затем послы в царской карете и наконец, сзади доставленная к этому дню из Новгород-знаменитой „собственная его величества карета“. Но вот послы уже во дворе. Они с изумлением глядят на встречающих их. Огромные и грузные фигуры бояр, на каждом из которых чуть не по десяти кафтанов и охабней. Обилие костюмов должно свидетельствовать о богатстве и знатности. Еще и при Алексее остается в силе порядок, по которому — боярам, участникам празднества, выдаются на этот день из царской казны особые пышные кафтаны с похожими на ведра огромными боярскими шапками, которые они обязаны немедленно же по окончании праздника сдать обратно „не рожени“.

Царь был милостив. Позволив послам поочередно подойти к своей руке и после каждого вымыв здесь же руку, Алексей спросил о здоровье короля. Здоровье короля оказалось благополучно. После этого окольников Арзамов и Матвеев пересчитали подарки, и царь повелел спросить о здоровье самих послы. Здоровье послы оказалось также удовлетворительно. После этого принесли длинную скамью и, усадив на ней послы, приступили к длительной перекошке вопроса о здоровье всех членов посольства по порядку. Здоровье каждого оказалось также великолепно.

После этого каждый из них через маршала передал свою благодарность царю за милостивый прием, и все в среднем порядке удалились, получив приглашение участвовать в царском столе со всеми его сотнями блюд и перекошкой.

Деловые переговоры с посольством открылись на завтра. Долго спорили, как водится, о церемониале этих переговоров: с чего начать, — с обсуждения шведских жалоб на прошлое или с обсуждения будущего предполагаемого союза со шведами против турок. После долгих споров, взаимных пререканий, укоров и жалоб все-таки переговоры заладили и в результате после нескольких месяцев работы выработали следующий, воистину изумительный договор, выраженный всего в нескольких строчках:

„Если царское величество потребует у королевского величества помощи против недруга с этой стороны моря, то может просить надежно. Также если королевское величество станет требовать помощи у царского величества против недруга с этой стороны моря, то также может просить надежно“.

Даже Пуанкаре в наши дни работает, надо думать, продуктивнее!

Предполагались еще переговоры о торговых пошлинах и ряде других дел, но все эти переговоры отложены на неопределенное время, и 19-го июня 1674 года послам дана царем прощальная аудиенция.

Снова длинная процедура целования царской руки, и умывания Алексеем рук после каждого поцелуя, снова изнурительные вопросы о том, как здоровье каждого из чинов посольства в отдельности и успокоительные ответы через переводчика, что здоровье, слава Богу, грех жаловаться, и, наконец, вся процессия, вместе с собственной его величества каретой поползла в обратный путь, увозя с собой удивительных этим странным русским народом послов вместе с автором ехидных записок о России Эриком Пальмквистом.

ГЛАВА VI.

Представляет ли эпоха Алексея Михайловича шаг вперед по сравнению с временем Михаила Федоровича? Детали? быта дают пеструю картину.

Врачи, какими пытаются заменить знахарей в эту эпоху, были иностранцы. Настоящие медики в Россию того времени приезжать не желали. Вместо них приезжали ничего не знающие авантюристы. По правилам двора, врач, приезжающий в Россию, должен был еще в пограничном городе доказать свое искусство и кого-нибудь вылечить.

Положение медика при дворе было очень тяжелым. Каждое лекарство он должен был перед тем, как давать больному, обязательно на его глазах принимать сам, чтобы „отраву давать неповадно было“. От врача требовалось, чтобы болезнь проходила обязательно от одного приема

Выжидать действия лекарства не соглашались и приказывали медяку немедленно же давать другое, не позволяя повторять прежнего.

Духовенство считало обращение к медикам вообще греховным и особенно боялось, что среди лекарей окажется друг еврей, враг Христов. Такой случай действительно произошел, и к ужасу духовенства врачом при Алексее Михайловиче оказался еврей. Но откуда ли пошло название л 2 б-медик?

Особенно тяжело было положение врача, когда приходилось лечить особу женского пола. Врач не имел права видеть больную и должен был угадывать болезнь только по рассказам прислужниц. Даже в опасных случаях врача впускали к больной, только наглухо закрыв ставни и затекив горницу. Прикасаться к пульсу можно было только обмотав руку больной полотенцем.

Быт перед нами почти тот же, как и при Михаиле.

Лечились в это время больше всего заговорами и святой водой. Редким и драгоценным лекарством считался почему-то рог единорога, и царь Алексей Михайлович в 1655 году за три такие рога заплатил десять тысяч рублей соболями и мягкой рухлядью.

Алексей Михайлович наводил справки через послов у сибирских знахарей о целебных свойствах разных трав, о каком-то „масле“, „ростом кругло“, которое, будто бы, растет около Якутска и „ходит живо“, о какой-то траве „ерей“, которою, в случае болезни от чужой зависти, надо больного окуривать, потом тереть ею по лицу и, наконец, замочив в воде, давать ее есть.

До табачной монополии в то время еще не додумались, и за употребление табака розали носы. Но кабаки развили повсюду: правительство постоянно приказывало стараться, что бы люди побольше пили и доставляли казне выгоды, — говорит Костомаров.

Когда во время бунта в Москве были убиты бояре Плещеев, Чистов, Траханавотов, как мы видели, вспыхнул огромный пожар. Одного этого было бы, быть может, недостаточно, чтобы отвлечь толпу от мятежа. Но пожар этот

конулся главного царя кабака, и народ, позабыв о делах государственных, сразу же бросился туда толпою: все снесили чернать вино шапками, сапогами. Забыли не только о питье, но даже о необходимости тушить пожар, и большая часть столицы превратилась в пепел. Многие из тех, кто не успел до смерти ухнуть даровым вином, сгорели заживо.

Обычный эпитет, "царев", неразлучный со словом "кабак" — был неслучаен. "Царев кабак" — это было учреждено не только важнейшее в смысле интересов казны, но еще и накладывавшее свой отпечаток на весь быт, всю жизнь народа. Холопы и рабы царевы были естественными клиентами царя кабака.

Если бояре называли себя рабами царскими и холопшиками, — то эта же рабья манера перешла вообще в обиход даже в обращении одного боярина к другому только и видишь формулы: "Благодетелю моему и кормильцу рабски челом бью". "Кланяюсь стопам твоим, государя моего. Прости моему окаянству, дозвожь моей худости"...

Даже в будничной беседе считалось хорошим тоном, говоря о себе, называть себя "грешным", "нищим", "окаянным", а собеседника "благодетелем", "учителем".

Иностранцы, оставившие нам описания российских нравов эпохи, единодушно изумляются тягостному положению, в каком неизменно остается женщина. "На Западе пред женщиной преклоняют колени, в России считается предосудительным даже вести с женщиной разговор".

Женщина считается не только существом, не имеющим права на звание человека, но даже существом нечистым. Женщине, напр., не дозволялось резать животных, по той причине, что "мясо-де будет невкусно". Самые благочестивые люди, — говорит Костомаров, — были того мнения, что родителям следует почаще бить девиц, чтобы не утратили своего девства. Чем знатнее был род, к которому принадлежала девушка, тем более строгостей ожидало ее. Царевны были самые несчастные из русских девушек. Погребенные в своих теремах, не смея показываться на свет, без надежды когда-либо иметь право любить, без

надежды выйти замуж (иностранные дворяне желали родниться с Россией в те годы по обнаруживали, а выходить царевны за русского считалось неместным) — царевны, по выражению Котошихина, „лица свои слезами умывали, день и ночь в молитво пребывав“.

„Домострой“, советовавший жене кулаком по лицу и по глазам не бить, железным и деревянным орудием для сего не пользоваться, дабы не изувечить, — указывает на необходимость бить жену вежливенько, плеткой: „и разумно, и больно, и страшно, и здорово“. Это было уже признаком смягчения нравов, шагом вперед, по сравнению с прошлым.

Женщина считалась сосудом нечистым. Близость к ней считалась грехом, перед исполнением которого считали нужным снять крест и занавесить образа.

Даже близость к законной жене считалась греховной. После ночи, проведенной супругами вместе, полагалось обязательно пойти в баню, прежде чем приблизиться к иконѣ. Набожные люди, даже и омывшись в баню, в этот день считали себя недостойными входить в церковь, и стояли перед дверьми храма. Здесь собиравась целая толпа таких „недостойных“, и веселая молодежь того времени, проходя мимо этого скопища нечестивых, весело шуткала, показывала пальцами и издевалась над этими „грешниками“, законными мужьями своих законных жён.

Наряду с этим, отношение к браку сплошь и рядом сводилось деловым и даже коммерческим.

Когда царь Алексей Михайлович пожелал озаботиться о населении в Сибири, он отдал строгое распоряжение, чтобы крестьяне отдавали дочерей своих за сибиряков. Крестьяне не пожелали было родниться с монетами и ворами, но их, по царскому распоряжению, принуждали к тому силой.

В проповедях патриарха в эти годы повторяется обвинение служивых людей в том, что они, отправляясь в отдаленные места на службу, жён своих закладывали товарищам, предоставляя им, вместо процентов за полученную сумму, „иметь с ними сожителство“. Если муж в назначенный срок не выкупал жёну — заимодавец передавал её на тот же

условиях кому-нибудь другому, другой — третьему и так далее. Другое — говорит в своих проповедях патриарх — чахотятся в блудном сожителстве с родными сестрами и даже с матерями и дочерьми. Как совмещались эти черты богомольностью и строгим соблюдением постов — понять трудно.

Когда Алексей Михайлович женился, невесту ему отыскивали тем же способом, к какому, как мы видели, прибег в свое время и царь Михаил.

Со всей России выписали самых красивых девушек, которых и разместили в Кремле. Любопытно отметить, что в ответ на приказ о доставке красивейших девок, помещенные люди особенной прити по обнаруживали и их пришлось понуждать новыми суровыми напоминаниями и угрозами по адресу тех, кто пытался было укрыть своих дочерей от этой натуральной повинности.

Способ перед нами тот же самый, как и при царе Михаиле, но некоторые новшества уже налицо. Несмотря на строгое правило, по которому жених до венца не имеет права видеть свою невесту, царь Алексей Михайлович смотрит в тайное окошко из особо устроенной потайной комнаты на собранных кандидаток. Он лично выбирает из них трех девушек и поручает особым экспертам уже из этих трех выбрать наилучшую.

Прогресс сказывается еще и в том, что экспертами, кроме боярынь, каких мы видели в этой роли при царе Михаиле, выступают еще и бояре, и даже особо командированный иноземный врач. Так именно, усовершенствованным способом, была избрана первая жена Милославская, та самая, которая и подарила царю 14 душ детей: шесть сыновей и восемь дочерей.

После смерти Милославской, Алексей, как известно, женился на Нарышкиной, и здесь, в этом втором браке, еще более ярко сказался прогресс в области прав. Созванных со всех концов Руси новест помещают на этот раз не в закрытых наглухо горницах Кремля, а у боярина Морозова, дом которого устроен уже более или менее „по-европейски“. Здесь есть уже и дымбалы, и клавикорды. Кандидаток

расценивают уже не только по весу, и по статьям, „как кобылу на базаре“, но еще и по „разговорному уменью“ и даже манерам.

Нравы смягчаются бесспорно и очевидно. В тех случаях, когда от какого-либо обычая современникам приходится очень уж тяжело, стоит только подождать каких-нибудь 50 годиков, в крайнем случае 100 лет, глядишь, нравы уже и переродились, и тягостный обычай уже отменен. Все дело только в терпении и так называемых „крепких нервах“.

Невесте видеть до свадьбы жениха, как и жениху видеть невесту, считалось совершенно недопустимым, и, как ни робки повешества, допущенные царем Алексеем — они являются очень серьезным симптомом. Семейные нравы эпохи отличаются воистину звериной жестокостью. Любопытно, что при всех строгостях, жены умудряются все же изменять мужьям и даже существовала, по словам Котошихина, целая теория о допустимости любовных связей с иностранцами: „Женщине соблудить с иностранцем простительно. Дитя от иностранца родится, — крещеное будет. А вот как мужика с иноверкой согрешишь, — так дитя будет некрещеное. Оно и грешнее, некрещеная вера множится“.

Звериная жестокость семьи проявляется и в боярской, и в крепостной среде одинаково.

Очень часто жены отравляли своих мужей. По праву за это полагалось закапывать их живыми в землю, оставляя снаружи только голову. Обреченным на эту смерть жертвам воспрещалось давать пищу или питье и наблюдения за этим ставили специальных сторожей.

Неисчислимы хитрости, какие пускались в ход жене нам, чтобы облегчить свою судьбу. Жена некоего боярина приближенного к царю Алексею, по злобе к мужу, которого цезязал, допесла, что он, будто бы, умеет лечить и дагру, которой царь тогда страдал. Боярин уверял, что он понятия не имеет ни о каких лекарствах, но после солидной порции батоков, когда ему была обещана смертная казнь, он перестал „отрицаться“, и в отчаянии, парвав трав, каких попало, сделал из них для царя вавну. Любопытно,

что дарю после этой ванны сразу же стало гораздо легче, и боярина немедленно высекли за то, что он скрывал такой опасный секрет.

Рыцарских обычаев, дуэлей, те времена не знали. Вместо этого бояре, как и простолюдины, дрались „на кулачки“. Наиболее утонченным приемом дуэли считался среди знатнейших бояр способ, при котором поссорившиеся между собой люди садились на лошадей и, нападая друг-на-друга, издевались один другого кнутами. Вились также еще и палками, часто убивая друг-друга до смерти. Но наиболее распространенным способом сведения счетов и мести являлись доносы, ябеды, рассчитанные на то, чтобы втянуть противника в раззорительную тяжбу. Наиболее частым приемом было подкладывание к недругу какой-либо вещи, подача челобитной о пропаже и связанный с этим длинный процесс допроса под пыткой.

„Русские люди,—пишет в своем труде Григорий Котошихин,—имеют склонность к обману, а, больше всего, к невестству. В государстве своем ученые никакого доброго не имеют. Царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по породе, и многие из них грамоте неученные и нестудированные“.

Карикатурно изображая картину заседаний боярской думы, где присутствующие сидят, „брады свои уставя, и слово не разумеют“, Котошихин дает жуткую картину русского общества. Здесь и варварский произвол родителей над детьми, и страшная мордобой, и непристойности свадебных обрядов, и вопиюще в быт грубые обманы со стороны родителей, сбывающих путем подлога свою дочку замуж, пользуясь тем, что жених не имеет права до свадьбы видеть невесту. Здесь кнутобойство, и государственное, и семейное, и вопиюще в нравы отравления мужей женами и жонками. „Благоразумный читатель, не удивляйся сему, истинная есть тому правда, что во всем свете нигде такого... обманства нет, яко в Московском государстве“.

Больше всего из всех видов обманства волнует Григория Котошихина укореившееся на Руси обманство брачное: „У которого отца дочь увечна будет, и вместо ее на обман-

ство показывают парочко сватам служащую девку, на том имени иным, и парядя в платье вишо. А буде кто-девица ростом невелика, и под нее подставляют стул потому что видится добородна, а на чем стоит, то не видеть”.

Других путей к сближению, кроме визита смотрильщицы или смотрильщицы, т. - е. сватов, в те времена не было. „Буде смотрильщица скажет жениху, что невеста добра и разумна, и тот жених посылает к невестину отцу дарами сканивать, что он ту невесту излюбил”.

Странный вид любви, странный брак знали те времена. Трудно судить, какой кучер получился бы из Алексея Михайловича, если бы он именно этим путем исполнил свое дородство и оранистость. Но царем он был пакости. Оказавшись на троне, а не на облучке, он так и не позволился взять в руки возжи птицы-тройки, в образе которой Гоголь рисовал Русь.

Стиль московский был соблюден полностью: царь-пушка, которая не стреляет, царь-колокол, который не звонит, и царь Алексей, который не царствует. Алексей Михайлович, „очень хороший человек, только не на троне”, — был типичным смыслом своего века.

Наиболее интересным отражением этого времени являются записки славянофила того времени, хорвата по рождению, Юрия Крижанича.

Уже в те годы, еще до роли немецкой слободы при Петре, задолго до немецкого владычества Вирона. Юрий Крижанич горько жалуется на немецкий гнет.

„Ни один народ под солнцем нескончи земли не был так изобужен и посрамлен от иноземцев, как мы, славяне, от немцев, — пишет Крижанич, — Они нас дурачат, за нас водят, сидят на хребтах наших, и ездят на нас, как на скотине, свиньями и псами нас обзывают. Себя считают словно богами, а нас дураками”.

Много внимания уделяет Юрий Крижанич и сравнению русских порядков с иноземными. Там, на Западе, „разумно у народа сметливы. Много книг о земледелии и промыслах. Есть гаваи. Цветут морская торговля, земледелие, ра-

дела". Ничего этого нет в России. Здесь „умы народа тупы и косы. Люди сами ничего не придумают, лоппы, попримилзены, сами себе добра не хотят сделать, если их не пошеволишь к тому силой. Книг никаких нет и никто не учится“.

Многие подробности русского быта приводят Юрий Крижанича в сокрушении. „Иноземцы осуждают нас за несправедливость, — говорит он: — Мы деньги прячем в рот, по суду по моему, головы и бороды печосаны, как лесовики годим. В иноземных газетах писали, если русские купцы зайдут в лавку, после них целый час нельзя войти от запаха. Жилища наши неудобные, окна низкие, в избах нет отдушин, люди от дыма спешут“....

— Ты, царь, — обращается Крижанич, ярый поборник самодержавия, к царю Алексею, — держишь в руках чудотворный жезл Моисеев, которым можешь творить дивные чудеса в управлении. Царским повелением в России все можно исправить, все полезное заставить, — навепо взывает Крижанич, искренно жалуясь на всеобщее в русском царстве взяточничество и „людодержство“.

Тышайший Алексей, конечно, так и не захотел взмахнуть жезлом. „Людодержство“ продолжалось полным ходом.

Знаменательно, что и сам Крижанич, ярый приверженец самодержавной власти, все же сознается, что „многие короли на свете своих обязанностей не понимают. Много найдешь таких людей, которые не смогут объяснить отчетливо, зачем бог создал на свет королей и зачем дал им власть над народом. Милт короли, что не они созданы ради королевства и народов, а королевства ради них. Милт короли, что их дело господствовать, повелевать и пользоваться удовольствиями“.

Тридцать один год провел на престоле царь Алексей, пока все растущая тучность не свела его в могилу на сорок восьмом году жизни.

Он, поскольку можно судить, был высокого мнения о себе, и тщась писать стихи, пытался описать для назидания потомству историю своих военных походов.

Но, воистину, „как сон, пройдут дела и помыслы людей“. Зачем вспомнить этого человека. Его главная заслуга сво-

дится к тому, что он впервые надел немецкое платье, впервые стал ездить в немецкой карете, и еще впервые вывел свою жену в театр, „комедийное действо“ того времени.

Это осталось и дало плоды, все остальное бесследно исчезло. Петр, как мы увидим, не его сын. Его дети — хилый, слабоумный Федор и больной полундурот Иоанн.

Старое и новое причудливо сочеталось в психике „тишайшего“ Алексея.

Алексей Михайлович, который требует от знахарей сведений о чудесных лекарствах, а в 1650 году приказывает высылать крестьян в ночь под Ивана Купала собирать чудесные травы, наряду с этим в целом ряде указов проследует ведьм и колдунов, и объявляет вдовство — делом богопротивным.

Впрочем, еще одна заслуга осталась у Алексея Михайловича — это борьба с грубыми ругательствами на Руси.

Иностранцы в своих записках о Московском государстве особенно возмущенно говорят о неприличной ругани, которая заполняла собой русскую жизнь. Олеарий и Меебергер говорят о том, что грубейшая брань с помянованием родителей была до того обыкновенна, что ее позволяли себе даже духовные лица и монахи в самой церкви. Этому обыкновению следуют женщины и девицы, и даже дети родителей родители детей ругают именно этим странным способом.

Тишайший царь Алексей Михайлович делает трогательную, — но, увы, бесплодную — попытку уничтожить матерную брань на Руси. Попытка производится путем кнута и батога. По царскому указу снаряжены для присутствия в местах скопления народа особые отряды переодетых стрельцов, они обязаны строго следить за тем, чтоб никто не ругался позорной бранью, и тут же на месте строжайше наказывать виновных. Средство — увы! — оказалось действительным; сами же командированные стрельцы выражались „трех-этажно“ и „мотивированно“. Все осталось таким образом, по-старому.

Грустные итоги дает грустная жизнь этого всевластного монарха.